

ЛЮСЬИЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

| Жажда пыли |

ЛЮСЬИЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

Россия, Москва.
Российский институт культурологии.
Старший научный сотрудник. Кандидат культурологии.Russia, Moscow.
Russian Institute for Cultural Research, Senior Researcher.
PhD in Cultural Science.allyus1@gmail.com

ЖАЖДА ПЫЛИ

О ПЕРСПЕКТИВАХ ТРАНСЧЕЛОВЕЧЕСКОГО (НЕ)СУЩЕСТВОВАНИЯ,
ЦИФРОВОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО

В статье сопоставляются поэтические и философские прогнозы развития цифровой культуры в аспекте возможного трансчеловеческого по принципам цифрового и аналогового устройства. Концепции рассматриваются на широком определении жизни как материальной системы, способной получать, хранить, обрабатывать информацию и использовать ее при организации своей деятельности. Цифровая культура подтверждает устройство бытия как постоянного конфликта разнонаправленных сил.

Ключевые слова: цифровая жизнь, аналоговая жизнь, медиа, бит, байт, эндопротезирование, распыление, нетократия

Thirst of the Dust. On Transhuman (non) Existential Prospects, Digital and Poetic Netokratiya

In the article, poetic and philosophical forecasts of the development of digital culture, in regard to possible transhuman aspects according to principles of digital and analog devices, are compared. Concepts are considered in relation to broad definitions of life as the material system, capable of receiving, storing, and processing information and using it in the organization of activity. Digital culture confirms the life device as the constant conflict of multidirectional forces.

Key words: digital life, analog life, media, bit, byte, endoprosthesis, dispersion, netokratiya

Начать хотелось бы со стихотворения Владимира Грачева, которое уже приходилось цитировать по другому случаю.

Мы не песок — он более сыпуч.

Мы не вода — она всегда иная.

Мы — пыль, когда нас освещает луч.

Не точка мы, а только запятая.

Стихотворение это, выражавшее самоощущение крымской литературной богемы 1970–1980-х гг., не только не было опубликовано тогда, но, изъятое из издательского архива сотрудниками КГБ, стало основанием для заказного погромно-воспитательного фельетона с изобличающим названием «Мы — пыль»¹.

Совершенно неожиданно стихотворение это вспомнилось вновь, когда я прочитал статью Фримэна Дж. Дайсона «Жизнь во Вселенной: Цифровая или аналоговая?» в сборнике «Дальнее будущее Вселенной: Эсхатология в космической перспек-

тиве». Автор размышляет о грядущем состоянии трансчеловечности, при котором наша память и ментальные процессы будут списаны с мозга и загружены в компьютер. Это создает возможность использовать затем компьютер как «запасной мозг» на случай трагических происшествий или неизлечимых болезней. После смерти «старого» мозга можно перезагрузить себя в новый мозг или же расстаться с телом навсегда, продолжая компьютерное трансчеловеческое существование. Если компьютер изготовлен из кремния, возможна кремниевая трансчеловеческая практически вечная жизнь.

Другая возможная форма жизни — Черное Облако, описанное известным астрофизиком Фредом Хойлом в его знаменитом одноименном научно-фантастическом романе. «Черное Облако обитает в вакууме и состоит не из клеток, а из пылевых частиц. Свободную энергию оно получает из гравитации или света звезд, а химические питательные вещества — из межзвездной пыли. Вместо нервной системы или системы проводов оно использует длинноволновые электромагнитные сигналы, передающие информацию и координирующие его действия. Как и кремниевая жизнь, в отличие от жизни, основанной на воде, Черное Облако способно адаптироваться к сколь угодно низким температурам. Как кремниевая, так и пылевая жизнь

¹ Люсий А. П. Геопоэтический референдум // Октябрь. 2001. № 5. Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/october/2001/5/panoram5.html>; <http://www.poet-grachev.com/black-sea/really-do-not-burn-end-of-article.html#more-122>

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЛЮСЬИЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

| Жажда пыли |

требуют стабильности протонов. Если протоны нестабильны, ни кремний, ни пыль не смогут существовать вечно. Если протоны нестабильны, не может существовать жесткая структура, подобная кремниевому компьютеру. Но структура, напоминающая Черное Облако, существовать может — нужно лишь заменить в ней частицы пыли на свободные электроны и позитроны»².

Трансчеловеческое существование в кремниевом компьютере — пример цифровой жизни. Черное облако, обитающее в межзвездном пространстве, — пример жизни аналоговой. Эти концепции основаны на широком определении жизни как материальной системы, способной получать, хранить, обрабатывать информацию и использовать ее при организации своей деятельности. В этом широком смысле суть жизни — информация, но информация — не синоним жизни. Чтобы быть живой, система должна не только хранить информацию, но и обрабатывать и использовать ее. Жизнь — это именно активный поток информации, а не пассивное ее хранение.

Старинная виниловая пластинка сохраняет и передает музыку в аналоговой форме, CD — в цифровой. Логарифмическая линейка производит умножение и деление в аналоговой форме, электронный калькулятор или компьютер — в цифровой. Таким образом, аналоговая жизнь — это жизнь, обрабатывающая информацию в аналоговой форме, а цифровая жизнь — жизнь, обрабатывающая информацию в цифровой форме. Чтобы представить себе цифровую жизнь, вообразите трансчеловеческое существование в компьютере. Чтобы представить себе аналоговую жизнь, вообразите Черное Облако.

Автор задается вопросом: мы, люди — аналоговые или цифровые существа, затрудняясь, в отличие от поэта Владимира Гречева, дать однозначный ответ. Он поясняет, что информация содержится в человеческом организме прежде всего в двух регионах — в генах и в мозгу. «Информация, содержащаяся в генах, определено цифровая, закодированная в четырехбуквенном алфавите ДНК. Информация в мозгу все еще остается великой загадкой. Никто не знает, как работает человеческая память. По-видимому, воспоминания записываются в виде вариаций напряжения в синапсах, соединяющих друг с другом миллиарды нейронов в мозгу, но мы не знаем, как варьируется напряжение синапсов. Вполне может оказаться, что обработка информации в нашем мозгу происходит отчасти цифровым, отчасти аналоговым способом. Если мы — частично аналоговые существа, то загрузка человеческого сознания в цифровой компьютер может привести к потере наиболее тонких наших чувств и качеств... Но есть и третья возможность: может быть, обработка информации в нашем мозгу происходит с помощью квантовых процессов и наш мозг — квантовый компьютер? Мы знаем, что квантовые компьютеры в принципе возможны и что в принципе они должны быть мощнее цифровых компьютеров»³.

Фримэн Дж. Дайсон делает вывод: жизнь не может существовать вечно, если это цифровая жизнь, и может существовать вечно, если это жизнь аналоговая. «В развитии наших технологий в последние пятьдесят лет аналоговые устройства, та-

кие, как проигрыватель грампластинок или логарифмическая линейка, кажутся примитивными и хрупкими, а цифровые — куда более удобными и надежными. В современной высокоинформационной экономике постоянно побеждают цифры. Поэтому неожиданно обнаружить, что при самых общих условиях аналоговая жизнь имеет больше шансов на выживание, чем цифровая. Точнее говоря, законы физики и информационной теории запрещают выживание цифровой жизни, но разрешают выживание аналоговой. Возможно, это означает, что когда для нас придет время адаптироваться к холодной вселенной и оставить экстравагантные плотские привычки, мы не станем загружать свой разум в кремниевые чипы компьютерного центра, а перенесем его в черные облака, парящие в пространстве. Если бы мне дали выбирать, я бы, конечно, выбрал черное облако»⁴.

Теоретически доказано, что аналоговые компьютеры мощнее цифровых. Основное различие между ними в том, что аналоговый компьютер работает напрямую с непрерывными переменными, а цифровой компьютер — только с переменными дискретными. Наши современные цифровые компьютеры работают только с нулями и единицами. Аналоговый компьютер — это классическое поле, простертое сквозь пространство и время и подчиняющееся линейному волновому уравнению. Классическое электромагнитное поле, подчиняющееся уравнениям Максвелла, вполне подходит. Поле может быть сфокусировано в той или иной точке таким образом, что его напряженность в этой точке невычислима с помощью цифрового компьютера, но может быть измерена простым аналоговым устройством.

«Аргумент квантования энергии валиден лишь для системы, сохраняющей информацию на материальных носителях фиксированного размера, в устройствах определенного объема и так далее. В особенности верен он для системы, сохраняющей информацию на цифровых носителях, с использованием дискретных состояний. Однако этот аргумент не подходит к системе, работающей не с цифровыми, а с аналоговыми устройствами. Например, представим себе живую систему типа Черного Облака Хойла, состоящую из пылевых частиц, взаимодействующих между собой с помощью электрических и магнитных сил. После остывания вселенной каждая пылевая частица придет в свое основное состояние и температура внутри каждой частицы снизится до нуля. Однако эффективной температурой системы является кинетическая температура случайных движений частиц. Информация, обрабатываемая системой, заключена в неслучайных движениях частиц, а энтропия системы — в случайных движениях. По мере обработки информации энтропия возрастает. Однако в аналоговой системе такого типа основного состояния не существует, как не существует и энергетического разрыва»⁵.

Как с образом Черного Облака (пыли) соотносится образ Паутины Хаким-Бея, отнюдь не являющейся у него синонимом сети как таковой? Теоретик контркультуры полагает, что внутри Сети развивается теневая контр-Сеть, а между ними — Паутина, как если бы Сеть была рыбацкой сетью, а Паутина была бы протянута в ее разрывах и промежутках. «Обычно мы будем

² Далекое будущее вселенной. Эсхатология в космической перспективе. М., 2012. с. 182-183.

³ Далекое будущее вселенной. С. 184.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 195-196.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЛЮСЬИЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

| Жажда пыли |

использовать термин Паутина, имея в виду дополнительную горизонтальную открытую структуру информационного обмена, неиерархическую сеть, а термин контр-Сеть — для того, чтобы обозначить скрытое нелегальное и повстанческое использование Паутины, включая такие действия, как информационное пиратство и прочие способы присосаться к Сети. Сеть, Паутина и контр-Сеть — это части одного запутанного комплекса: они проникают друг в друга в неисчислимом количестве точек. Эти термины не определяют отдельные области, а указывают на тенденции». В принципе, Паутина не нуждается в компьютерах для своего существования. Устная речь, бумажная почта, маргинальные сетевые журналы, «телефонные деревья» и так подходят для создания информационной паутины. Самое главное — это не уровень технической оснащённости, а открытость и горизонтальность структуры. Тем не менее сама концепция Сети подразумевает использование компьютеров.

Множество Мандельброта и его компьютерная графическая модель дают нам наглядное представление о фрактальной вселенной — карты внутри карт внутри карт и т. д., пока хватает вычислительной мощности. Зачем она, эта карта, которая, по сути, стремится к однозначному соответствию фрактальному измерению? Что с ней делать, если не восхищаться ее психоделической элегантностью? Если же вообразить карту информации — картографическую проекцию Сети во всей ее целостности, нам придется включить в нее все свойства хаоса, который уже стал проявляться, например, в параллельной обработке данных, телекоммуникациях, системах электронных платежей, вирусах, хакерских атаках и т. д.

Топографическое представление каждой из этих областей хаоса напоминает множество Мандельброта — те же «полуострова», внедренные в карту, спрятанные в карте вплоть до иллюзии «исчезновения». Эти «письмена», часть которых пропущена, часть — написана поверх других таких же, демонстрируют сам процесс компрометации Сети самой себя. Она уже не целостна в самой себе, совершенно не-контролируема. Другими словами, множество Мандельброта или что-то похожее на него может оказаться полезным в «построении» (во всех смыслах этого слова) контр-Сети, в хаотическом процессе, в процессе «творческой эволюции», как его называл Пригожий. Каждая «катастрофа» в Сети — это силовой узел Паутины, контр-Сети. Сеть разрушается от хаоса, в то время как Паутина процветает благодаря ему⁶.

Согласно Дайсону, эффективность коммуникации зависит не от абсолютной силы сигнала, а от соотношения сигнала и шума. «Ослабление сигналов компенсируют два фактора: во-первых, уменьшение шума по мере остывания вселенной, во-вторых, сужение ширины полосы сигнала по мере сдвига передачи на все более низкие частоты. Благодаря этим компенсирующим факторам конечное количество передаваемой энергии может нести бесконечный объем информации. С течением времени волна сигнала становится все длиннее, а передающие и принимающие антенны должны становиться все больше. Антенны не могут быть едиными структурами, но могут представлять собой цепи небольших резонаторов, расположенные в

пространстве. С помощью таких цепей сообщество, прикованное к своему региону, сможет по-прежнему получать извне новые знания и делиться собственными знаниями с сообществами, расположенными в других местах, постоянно расширяя область своего опыта и влияния⁷. Уральская поэтесса Галина Коркина представляет ландшафт так: «Малюсенький городок N / С тоненькими усиками антенн, / Образующими небесную гать, / Наполеону не брать»⁸.

Анатолий Эфрос на одной из встреч со зрителями рассказывал о постановке «Вишневого сада» в Японии, в ходе которой японская сторона пыталась повторить спектакль на своей сцене буквально, с мельчайшими деталями декорации и актерских жестов. Все реквизиты были привезены и смонтированы, но хозяевам все же чего-то не хватало.

— У вас на сцене в лучах осветительных прожекторов возникало волнующее мерцание, которого у нас почему-то нет. Чем вы его вызываете?

Постепенно выяснилось, что едва ли не главным героем московских постановок, в японском зрительском восприятии, оказалась — сценическая пыль, которой в Японии не было. Здесь возможна только цифровая пыль. Так состоялась сценическая встреча двух цивилизаций, навсегда пылевой и в то время уже почти цифровой.

Бит — это двоичный логарифм вероятности равновероятных событий или сумма произведений вероятности на двоичный логарифм вероятности при равновероятных событиях; см. информационная энтропия. Это базовая единица измерения количества информации, равная количеству информации, содержащемуся в опыте, имеющем два равновероятных исхода. Это тождественно количеству информации в ответе на вопрос, допускающий ответы «да» либо «нет» и никакого другого (то есть такое количество информации, которое позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос). Байт (англ. слово byte представляет собой сокращение словосочетания Binary Term — «двоичный терм») — единица хранения и обработки цифровой информации. В современных вычислительных системах байт считается равным восьми битам, в этом случае он может принимать одно из 256 (2⁸) различных значений (состояний, кодов). Бит — некий исходный Гамлет, разрывающийся между проблемами «быть или не быть» и «и быть, и не быть». Байт — дважды четыре капитана, уносящих со сцены Гамлета. Писатель Битов и поэт Байтов.

Художник-исследователь Петер Вайбель, куратор последнего Биенале современного искусства в Москве (2011) не склонен разводить цифровые и аналоговые процессы. «В природе, как правило, существуют лишь аналоговые процессы. Квантификация таких процессов — всегда своего рода дигитализация. Восприятие дневного света является континуальным, непрерывным. Термометр со ртутным столбом — аналоговый прибор (высота столба — нечто аналоговое), тогда как высказывание «Сейчас 27 градусов C» является дигитальным. Рисование — тоже до известной степени аналоговый процесс. Дигитализация означает преобразование аналоговых процессов в мельчайшие дискретные единицы, каковые являются квантифи-

⁶ Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии [Пер. с англ. Т. Давыдовой и др.]; Под ред. Питера Ладлоу. Екатеринбург, 2005. С. 550.

⁷ Далекое будущее вселенной. С. 193.

⁸ Коркина Г. Малюсенький городок N. // Ход жука по белому дереву. Н. Тагил, 1999. С. 14.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЛЮСЬИЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

| Жажда пыли |

цируемыми, т. е. представимыми посредством чисел (digits = цифры)⁹.

Согласно Вайбелю, основной вопрос цифровой культуры заключается в том, как выглядит машина или система, если наблюдатель действует внутри этой машины или в качестве детали этой системы. Насколько соответствует наблюдение с точки зрения машины наблюдению изнутри пыли? «Эндо-доступ обозначает рассмотрение мира с позиции внутреннего наблюдателя, относительность наблюдателя мира, а также признание неполноты описания искаженных и искривленных плоскостей одновременности. Электроника предлагает такой «эндо-подход» к миру. Поэтому настоящее электронное искусство исходит не из пространства классической физики, не из природного пространства классической физики, не из природного пространства, не из пространства восприятия, а из пространства эндифизики, из экспериментов со «слепым зрением», из симуляции, из виртуальности. Скульптура, укорененная в пространстве XIX в., исходит из непрерывности, из человеческого тела, из полной видимости. Наоборот, современное пространственное искусство исходит из нелокальных феноменов, из машины и из «вывихнутых» объектов, из языка, из нематериальной формы волны, из чисел, из искаженных и искривленных слоев пространства, из относительности наблюдателя... Новое пространство электронного мира уже не отделяет внешние пространства от внутренних. Однако в этом пространстве они предстают перфорированными, дискретно переплетенными. Пространство внутреннего наблюдателя, эндо-пространство, обладает и второй, экзо-объективной стороной. Пространство же внешнего наблюдателя имеет вторую, экзо- и эндо-, как продукт относительности наблюдателя мира, всякий раз вращают внешние пространства во внутренних, и наоборот»¹⁰. Эндо-протезирование и распыление.

Имея на руках хорошо сконструированный и при этом фонетический, а не слоговый, алфавит (то есть такой, в котором буквы обозначали отдельные звуки, а не слова или понятия), древние греки создали философию и другие базовые науки, ставшие, в свою очередь, «грамматикой» мысли. Замена уха на глаз в качестве основного средства лингвистического восприятия произвела радикальный переворот в понимании мира. Создание и существование империй стало возможным только с развитием письменности. Теперь можно стало передавать информацию, например приказы, на действительно большие расстояния, что в свою очередь привело к исчезновению родов-государств. Интересно, что спад производства папируса в годы правления последних римских императоров многими историками считается важнейшей причиной упадка Римской империи. Даже письменная информация имеет пределы¹¹. Оказавшийся нерешаемым парадокс СССР — пыли много, а информации и, в частности, книг — мало.

Авторы «Нетократии» Александр Бард и Ян Зодерквист усматривают два таких основных направления философской мыс-

ли Запада — мобилистическое и тоталистическое. Например, философия Гераклита (мобилиста, по нашей классификации) вдохновила тоталиста Платона, ученика тоталиста Сократа, на его фундаментальную концепцию мира идей. Тоталистическая традиция характеризуется созданием великой системы: желанием выявить единственную теорию для всеобъемлющего объяснения жизни и истории. В китайской мысли эквивалентом этого мировоззрения является конфуцианство. Сократ, Платон и Аристотель были центральными фигурами тоталистической традиции, которая доминировала в Западном мире, их идеи были развиты создателями великих систем от Декарта и Канта до Гегеля и утописта Маркса. Христианское учение, вкупе с политической идеологией капитализма, также принадлежали к этой группе. Церковь и государство, в том виде, в котором они получили развитие в нашей цивилизации, следует считать тоталистическими институтами¹².

Тоталистическая мысль базируется на понятии неделимого субъекта. Философские правила аксиоматичны и воспринимаются как данность. Понятие его — основной строительный блок этой системы. Подразумевается, что все мироздание вращается вокруг его, подобно тому, как Луна вращается вокруг Земли. Мышление автономно и пытается осветить и рассмотреть существование, исходя из фундаментальной предпосылки.

Вопрос — это способ, ответ — это истина, истина есть цель; мир, в котором на все вопросы есть ответы, является совершенным, цельным (от англ. totality), утопией, ставшей манифестом. Платон утверждал, что эта утопия уже существует, и что она даже более реальна, чем воспринимаемая, как нам кажется, реальность, хотя на самом деле она лишь бледная имитация гиперреального мира идей. Изначально подлинно существуют идеи, они непостижимы; тогда как вещи, которые мы постигаем, — лишь плохие копии. Христианство также присоединилось к этой концепции, хотя в его случае связь с истинной реальностью более проблематична. Утопия существует, но не здесь и не сейчас. Христианская утопия частью представляет собой потерянный рай, но также и грядущее небесное блаженство: мир до грехопадения, и мир после Судного дня. В этом смысле, когда христианство обращается к будущему, оно одновременно обращается и к прошлому в безотчетном стремлении вернуть то, что уже когда-то существовало. Жизнь есть процесс движения в заданном направлении, с известным началом и предсказуемым будущим. Это означает, что настоящее есть нечто второстепенное: гораздо более интересны точка начала в прошлом и конечная точка в будущем. «Утопия, эта тоталистическая мечта во всех своих проявлениях, стала главной мишенью мобилистов. Утопия считается явным инструментом власти, требующим от человека полного подчинения и ограничивающим его в свободном мышлении и полнокровной жизни в настоящем. В обмен на его свободу в более или менее отдаленном будущем человеку обещана награда. Он обменивает свою свободу на прогресс и надежду на участие в грядущей утопии»¹³.

Ницше, затем Делёз представляли бытие как постоянный конфликт разнонаправленных сил; их равновесие также дина-

⁹ Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров. М., 2011. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Бард А. и Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб, 2004. С. 102.

¹² Там же. С. 21–22.

¹³ Там же. С. 111.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЛЮСЫЙ Александр Павлович / Alexander LYUSY

| Жажда пыли |

мично, Делёза особенно интересовали различия между этими силами. Из точки, в которой возникает это различие (Делёз назвал её точкой неравномерности), оно продолжает беспрепятственно распространяться, одновременно являясь причиной возникновения новых различий.

Фундаментальная разница между нетократией и консьюмтариатом, новыми классами цифрового общества, состоит в том, что первая контролирует производство собственных желаний, в то время как второй подчиняется указаниям первой. Что отличает нетократов, так это потребление: намеренно эксклюзивное, минималистское и совершенно свободное от указаний. Нетократы путешествуют в места, не разработанные туристической индустрией, слушают музыку, которую не производят фирмы звукозаписи, пользуются веб-сайтами, которые не только не содержат рекламу, но и не рекламируют свое собственное существование, и потребляют товары и услуги, которые не упоминаются в медиа и потому не известны широким массам. Этот стиль жизни невозможно зафиксировать: он всегда будет претерпевать постоянные изменения. Когда нечто уже испробовано и не имеет первоначальной ценности, это всегда можно отдать на потребу толпе с помощью той же рекламы — и это далее принесет свою экономическую выгоду.

Слово дискретно, но склонный к аналогиям взгляд поэта Сергея Новикова отмечает приметы исчезновения своего поколения в глобальном пылесосе, точно отразившегося в различных случайных медиа, от наскального рисунка до отражения в стакане или витрине. Пыль тоже обречена, но и аналогия обрывается в самой себе.

*Мы в Ялте сойдемся промозглой,
где, косо раздвинув туман,
системой ветвей кровеносной
полнеба объемлет платан.*

*За стеклами — свет позлащенный,
На улице — хлад до костей...
Буфетчица с кошкой ученой
приветит продрогших гостей.*

*Мы спутаем время — не место,
Стекляшка забытая, — ах! —
чтоб снова прекрасно и тесно
толпиться в твоих зеркалах.*

*Всего-то полшага и через
какой-то дремотный порог,
чтоб снова таинственный херес
мерцал на столе, как цветок.*

*Чтоб снова усилюем зеркальным
Собрать в неминуемый круг
Навечно! — рисунком наскальным
Невечных друзей и подруг.*

*Отсюда сквозь ветер и воду
пространства дождливого сплошь,
скажи, ты из них хоть кого-то
за дальним столом узнаешь?*

*И, если узнаешь, — печально
запомни, пока не смела
буфетчица с мути зеркальной
их лица, как пыль со стекла.*

